

55. Zajko V., O'Gorman E. 2013: Classical Myth and Psychoanalysis: Ancient and Modern Stories of the Self. Oxf.
56. Zanker G. 1996: The Heart of Achilles. Characterization and Personal Ethics in the *Iliad*. Ann Arbor.

A SON IS (NOT) RESPONSIBLE FOR HIS FATHER. GOOD AND BAD SONS IN THE HOMERIC EPIC

Nikolay P. Grintser

The author explores the motif of father-to-son opposition in the Homeric poems. Analyzing relevant contexts of the *Iliad* and *Odyssey* (especially those referring to Achilles and Telemachus) he shows that, on the one hand, the epic preserves the archaic idea of a young hero as a sort of his father's new embodiment (the idea being partly reflected in the young hero's name), but, on the other hand, all the traditional motifs connected with father-to-son opposition are smoothed over in Homeric poems. Since this opposition is an inevitable consequence of the heroic action, a hero's activity entails breaking his filial duty, and the character who proves to be a really dutiful son must become completely or temporarily passive.

Keywords: heroic epic, mythology, folklore, etymology, father, son, *Iliad*, *Odyssey*, Epic Cycle.

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Moscow, Russia

grintser@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 14–27

А. И. Иванчик, И. Адиего

НОВАЯ ЛИДИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КЕЛЕН И ПРОБЛЕМА ЛИДИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ВО ФРИГИИ В ЭПОХУ АХЕМЕНИДОВ¹

В статье публикуется лидийская надпись, открытая в 2009 г. в г. Динар (провинция Афьонкарахисар, Турция), древних Келенах. Надпись датируется концом VI – началом V в. до н.э. и является лишь вторым случаем находки лапидарной лидийской надписи за пределами Лидии и примыкающих к ней прибрежных греческих городов. Ее находка подтверждает сведения Геродота (VII. 27–29), согласно которым в Келенах пребывали богатые и влиятельные лидийцы и владели там крупными состояниями.

Ключевые слова: Фригия, Лидия, лидийский язык, лидийская надпись, Келены, Геродот.

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корреспондент РАН, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

Адиего Игнасио – профессор Университета Барселоны (Испания).

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 13-06-00746.

Публикуемая здесь надпись была обнаружена в 2009 г. в ходе разведок в Южной Фригии, проводившихся в рамках международного проекта под руководством А.И. Иванчика² (рис. 1–3). Главным объектом нашего изучения был город Келены, получивший в эллинистическое время название Апамен Фригийской, на месте которого находится современный город Динар в провинции Афьонкарахисар. Келены в эпоху Ахеменидов были важным городским центром – здесь, по всей видимости, размещалась столица сатрапии. Более того, этот город был царской резиденцией – единственной, насколько можно судить, во всей Малой Азии. Здесь находился дворец, построенный Ксерксом, а в более позднее время – резиденция царевича Кира Младшего.

Публикуемая надпись – самая древняя из когда-либо обнаруженных в Келенах. Написана она не на греческом или латинском языке, как остальные надписи, происходящие из этого города, а на лидийском. Надпись вырезана на блоке известняка высотой 71, шириной 35 и толщиной 26,8 см. По-видимому, блок еще в древности многократно использовался в качестве строительного материала. В момент находки он помещался в кладке ограды в современном городе Динаре. Таким образом, камень был найден вне археологического контекста. Лицевая сторона блока была заглажена для нанесения надписи, однако эта сторона сильно повреждена, особенно в центральной части. Повреждения лицевой поверхности блока как от выветривания, так и в результате его использования для строительства уничтожили большую часть надписи. На камне обнаружены остатки пяти строк, но две последние содержат всего 3–4 буквы, некоторые из которых сохранились только частично. Размеры сохранившейся части эпиграфического поля 20,0 × 25,0 см, высота букв – 2,1–2,4 см. Пятая строка, видимо, была последней строкой надписи: заглаженная поверхность частично сохранилась ниже нее, но на ней нет следов букв. Со всех остальных сторон эпиграфическое поле оббито и, таким образом, начало надписи отсутствует; кроме того, не сохранилась целиком ни одна строка надписи. Несмотря на столь плохую ее сохранность, различимые на камне буквы позволяют сделать важные выводы.

Текст надписи читается следующим образом:

[---]
[---]x1[---]cilisu/tx[---]
[---]nilakesu/ēta[---]
[---]śodb³ [---]
[---]ixix[---]
[---]wxx[---]

Прежде всего следует обратить внимание на **письмо**. Оно несомненно лидийское. Несмотря на то, что специфически лидийских букв (например, λ, ν, τ) не

² В 2008–2010 гг., совместно с Л. Зуммерер (Мюнхенский университет). См. Summerer, Ivantchik, Kienlin 2011.

³ Чтение g вместо b в этом месте также не может быть исключено. Однако буква g очень плохо засвидетельствована в лидийских текстах – она встречается только четыре раза и никогда в начальной позиции, как в этой надписи (см. ниже). Это позволяет однозначно предпочесть чтение b. Д. Шюрр недавно поставил под сомнение традиционную интерпретацию фонетического значения этой буквы и предложил считать ее архаическим вариантом буквы d (Schür 2000). Высказанные им сомнения в том, что эта буква обозначала g, заслуживают самого серьезного внимания, однако предположение о ее отождествлении с d не кажутся нам убедительными.

Рис. 1. Известняковый блок с лидийской надписью

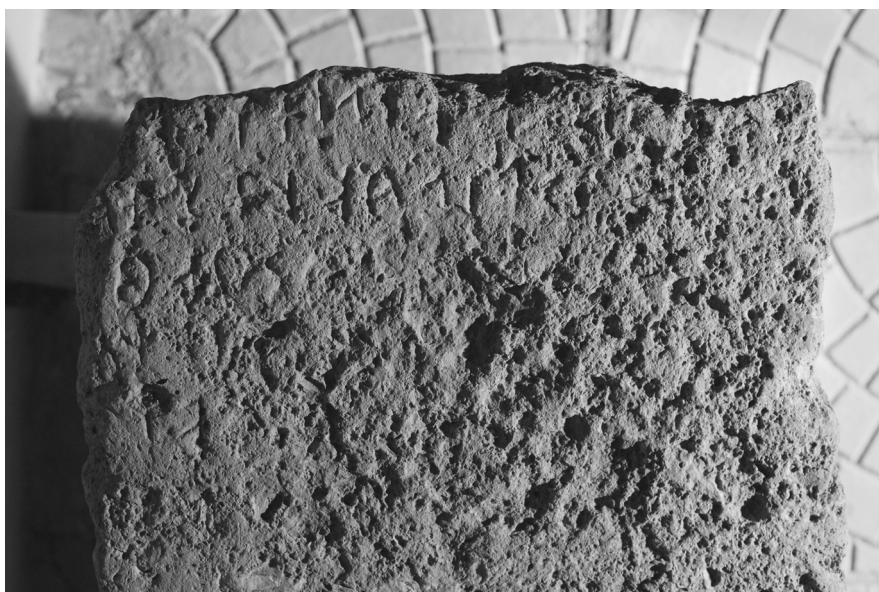

Рис. 2. Лидийская надпись. Фотография

сохранилось, буквы d и e, а также b имеют характерные лидийские формы. На лидийский алфавит указывает также одновременное присутствие двух сибилантов s /c/ и ś /s/ и использование буквы в виде стрелки, в транслитерации с /dz/. Надпись, таким образом, явно написана лидийским алфавитом, а не фригийским, как можно было бы ожидать, учитывая место ее находки.

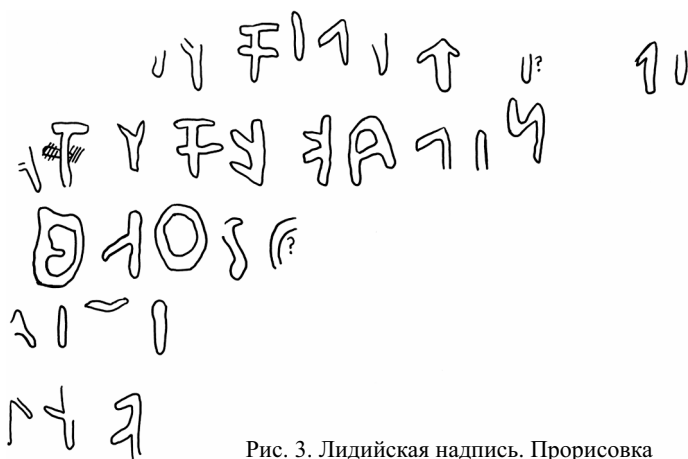

Рис. 3. Лидийская надпись. Прорисовка

Формы букв, особенно е, s, а (закругленная, а не угловатая) и b, характерны для надписей классического периода по терминологии Р. Гусмани⁴, т.е. V–IV вв. до н.э. В то же время некоторые начертания ближе формам «архаического» лидийского алфавита. Это касается прежде всего буквы ś и особенно о. В большинстве надписей классического периода эта буква меньше остальных, а в келенской она имеет тот же размер. Эту особенность келенская надпись разделяет с тремя другими надписями классической эпохи. Две из них относятся к началу этого периода: надпись 17⁵ датируется между 450 и 425 гг. до н.э., а надпись 54 – концом VI – началом V в. до н.э. Надпись 23, в которой о архаической формы сосуществует с уменьшенной о, не имеет более точной датировки, чем V–IV вв. до н.э., но присутствие других архаических черт в формах ее букв позволяет предположить, что она также восходит к началу классического периода.

Другая архаическая черта келенской надписи – использование *scriptio continua*. В надписях классического периода слова последовательно разделяются хорошо заметными промежутками. В нашем тексте таких промежутков нет. Можно было бы предположить, что в сохранившемся фрагменте текста имеются только целые слова, однако это очень маловероятно само по себе, а кроме того, опровергается и лингвистическим анализом (см. ниже).

Приведенные данные позволяют датировать надпись началом так называемого классического периода или концом предыдущего периода, т.е. началом V или даже концом VI в. до н.э.

Теоретически можно предложить и другое объяснение архаического характера шрифта этой надписи. Можно было бы предположить, что консервация архаических черт в надписи объясняется традициями местных резчиков, т.е. что речь идет о провинциальном варианте письма. В самом деле, подавляющее большинство известных лидийских надписей происходит из Сард и отражает, следовательно, писцовую практику лидийской столицы. Если бы эта гипотеза была верной, она предполагала бы существование в Келенах собственной традиции лидийского письма, которая развивалась параллельно со столичной и лишь частично усваивала появлявшиеся там новации. Это предполагало бы также существование в Келенах

⁴ Gusmani 1975a, 268–274.

⁵ Здесь и далее номера надписей соответствуют номерам в корпусе Мелчерта (Melchert 2001) и словаре Гусмани (LW).

большого числа писцов, писавших на лидийском, а также и присутствие довольно многочисленных надписей на этом языке. Город был бы в таком случае более лидийским, чем большинство городов самой Лидии, которые не создали собственных писцовых традиций. В настоящее время нет никаких оснований предполагать столь высокую степень лидизации Келен. По этой причине первая гипотеза нам кажется предпочтительной, и мы считаем правильным датировать надпись концом VI – началом V в. до н.э.

Перейдем теперь к **языку** надписи. В самом деле, то, что надпись сделана лидийским алфавитом, очевидно, однако означает ли это, что она написана на лидийском языке? Вывод не может быть автоматическим – поскольку надпись обнаружена на фригийской территории, нельзя исключать использования лидийского алфавита для составления надписи на фригийском. Однако подобных случаев до сих пор не засвидетельствовано среди надписей, сделанных малоазийскими алфавитами доэллинистической эпохи. Эти алфавиты почти всегда привязаны к соответствующим языкам: карийский алфавит используется для письма на карийском, ликийский – на двух ликийских диалектах, и т.д. Особый случай – надпись из синагоги в Сардах, составленная на неизвестном языке, алфавит которой близок лидийскому, хотя и не идентичен ему⁶. Итак, можно предварительно предположить, что надпись сделана на лидийском языке.

Краткость сохранившегося текста, его фрагментарность и *scriptio continua* сильно затрудняют проверку этой гипотезы и понимание надписи. Однако комбинаторный анализ позволяет распознать в ней элементы, которые, как кажется, подтверждают данное предположение.

Во второй строке последовательность [---]nilakesu/ēta[---] может быть разделена на слова следующим образом: [---]nil ak esu/ēta[---]. Элемент -nil содержит глагольное окончание -l, характерное для 3 л. ед.ч. претерита (ср. bil-l, kol, facatil, и др.⁷) и инфинитива (arwol, sawwaštal, ifrol?). Корпус лидийских надписей содержит три глагольные формы, завершающиеся на °nil: fēnanil (15), sanil (15), facunil (43); все три представляют собой глаголы в 3 л. ед.ч. претерита⁸.

Что касается ak, то это одна из самых распространенных в лидийском языке частиц, вводящих каждую новую фразу⁹. Засвидетельствованная в нашей надписи последовательность -l (завершающий фразу глагол) + ak (частица, вводящая новую фразу) встречается в лидийских текстах как с претеритом, так и с инфинитивом, ср. ...rawal ak... bill ak... (50, сткк. 5–6, претериты) и ...arwol ak..., ...sawwaštal ak... (2, стк. 9; 24, стк. 21, инфинитивы). Это вполне естественно, поскольку основной порядок слов в лидийском языке – «субъект – объект – глагол», т.е. глагол обычно находится в конце фразы¹⁰. Другие глагольные формы (3 л. ед.ч. настоящего/будущего времени на -d/t, 1 л. на -u/w, 1 л. ед.ч. претерита на -dv и т.д.) также встречаются в финальной позиции перед ak, начинающим новую фразу. Вот несколько примеров: ...ēnslibid ak... (3, стк. 3), ...fēnslibid ak... (10, стк. 23), ...taqtulāt ak... (22,

⁶ Об этой надписи см. Gusmani 1975b, 117–132.

⁷ LW. 43; Gérard 2005, 101.

⁸ Нельзя исключать, что употребленный здесь глагол в претерите – это il (<-i- ‘делать’) и, следовательно, что текст должен делиться ...n il. Но аналогии такой последовательности отсутствуют, поэтому в данном случае предпочтительно восстановление глагола, оканчивающегося на -nil.

⁹ Ср. LW. 45: «Der Satz wird nämlich durch eine satzverbindende Partikel (am häufigsten ak, fa(k), buk) oder... durch ein volltoniges Satzglied... eingeleitet».

¹⁰ LW. 46; Melchert 2004, 606.

стк. 13), ...fakatwāmid ak... (22, стк. 14), ...tašod ak... (22, стк. 15), ...owv ak... fašfēnu ak... (23, стк. 8), ...fētamvidv ak... (23, стк. 18), ...int ak... (23, стк. 20).

В третьей строке [---]šodb[---] тоже можно выделить завершающую часть лидийского глагола: [---]šod, вероятно, содержит окончание 3 л. (ед. и мн.ч.) настоящего/будущего -d, ср. fēnslibi-d, silawa-d, и др.¹¹ Окончание -šod засвидетельствовано в двух лидийских глаголах tašod (22, стк. 15) и fawcvašod (23, стк. 19)¹².

В первой строке можно распознать глагольную форму претерита или инфинитива, как во второй строке. Здесь можно предложить членение [---]cil isu. Элемент -cil можно сравнить с окончанием глагола в претерите dawicil, сохранившемся в одной лидийской надписи (13, стк. 7); это единственный пример последовательности °cil в лидийском корпусе текстов. Таким образом, можно предположительно восстановить форму [dawi]cil¹³ в надписи из Келен. Для последовательности знаков [---]cilisux[---] можно однако предложить и альтернативную сегментацию: [---]cilis u-, т.е. окончание посессивного прилагательного на -li- в номинативе ед.ч. (-li-s) – форма, очень часто встречающаяся в лидийских надписях, поскольку она выполняет функцию генетива ед.ч. (например, alu-li-s ‘Алуса’ и т.д.). Таким образом, можно заключить, что надпись не только написана лидийскими буквами, но и составлена на лидийском языке.

Опираясь на этот вывод, можно попробовать составить себе представление о **структуре и содержании** текста. Очевидно, что такая задача весьма сложна, ведь речь идет о поврежденном со всех сторон коротком (всего около 30 букв, часть из которых не читается) фрагменте текста, написанного к тому же scriptio continua. Тем не менее, основываясь на предложенном словоделении и с помощью сравнительного комбинаторного анализа всего корпуса лидийских текстов, можно сделать некоторые выводы. Разумеется, эти выводы остаются в значительной степени гипотетическими, поскольку зависят от словоделения, также имеющего статус гипотезы.

Присутствие в тексте одного или двух глаголов в претерите (-cil (?), -nil), а затем одного – в будущем/настоящем времени (-šod) позволяет предполагать в тексте двучленную структуру из двух секций. Такое часто встречается в лидийских надписях. Первая часть, содержащая глаголы в прошедшем времени, обычно посвящена стеле или памятнику, связанным с надписью; вторая часть – с глаголами в настоящем/будущем времени – содержит предостережения, касающиеся дурного обращения с этим памятником, в частности попыток его разрушить или повредить. Глагол в претерите в таких надписях – это часто глагол «быть», который систематически опускается, в результате чего первая часть превращается в назывное предложение. Но в некоторых случаях, например в надписи 3, глагол в претерите с окончанием -l появляется, а за ним следуют во второй части глаголы в настоящем/будущем с окончанием -d/t:

- 1 brwāv III II aliksāntruḷ dāv eśś wānaś es=k mruḍ
- 2 atraštaliḍ timleliḍ ardēc alarmś fadol wśtaś
- 3 ak qis qisred fak=aś silawad fa=t niḍ ēnslibiḍ ak=mḷ
- 4 lewś sarētaś qis=it fēnslibiḍ eśḷ wānaḷ
- 5 buḷ eśḷ mruḷ fak=mḷ lewś wcbaqēnt

¹¹ LW. 43; Gérard 2005, 99.

¹² Чтение по корпусу Мелчерта; в словаре Гусмани содержится чтение bawcvašod.

¹³ Как и в случае с -nil, можно было бы предположить здесь употребление глагола il (-cil), ‘он сделал’, но это подразумевало бы, что предыдущее слово кончалось на -с, что совершенно исключительно для лидийского (засвидетельствована лишь одна форма, ardēc: 3, стк. 2).

Несмотря на сложности с интерпретацией части слов во второй строке, структура и смысл этой надписи ясны: после датировочной формулы (brwāv III Π alīksāntruł (dāv), «в пятый год Александра») она содержит две части, в которых глаголы стоят в претерите и настоящем/будущем времени соответственно:

1. В части, посвященной памятнику, используется прошедшее время: eśś wānaś es=k mruđ atraśtalid timlelid ardēc alarṃś fadoł wśtaś, «эта камера и эта стела – Атрастаса Тимлеса; на его средства (?) его наследник (?) (их) соорудил».

2. Предостережение составлено в настоящем/будущем времени: ak qis qisred fak=aś silawad fa=t nid ēnslibid ak=mł lewś sarētaś qis=it fēnslibid esł wānał buk esł mruł fak=mł lewś wcbaqēnt, «и кто о них позаботится и не займет для себя и не причинит ущерба, к тому Зевс (будет) благосклонен, а кто нанесет ущерб камере или стеле, того Зевс сокрушит».

Надпись из Келен, по всей видимости, имеет ту же структуру. Поскольку лидийские надписи содержат по большей части одинаковые формулы, мы можем на основании изучения этих формул, сохранившихся в других надписях, продвинуться дальше в интерпретации нашей надписи и, в частности, в выяснении значения употребленных в ней глаголов -cīl, -nīl и -śod. Разумеется, при этом следует иметь в виду, что сам корпус лидийских надписей весьма невелик, и тот факт, что та или иная формула не засвидетельствована в них, не означает, что она не существовала в языке и не может появиться в какой-нибудь вновь открытой надписи. Однако на нынешнем уровне наших знаний приходится исходить из того материала, который засвидетельствован имеющимися документами.

Для глагола, оканчивающегося на -cīl, как кажется, можно предложить более надежную интерпретацию, чем для других. Лидийские тексты содержат лишь одну сходную форму, а именно dawicīl, ‘воздвиг’. Эта форма встречается в надписи 13, стк. 7¹⁴. Важно отметить, что знаки, следующие за dawicīl в надписи 13, совпадают с теми, что зафиксированы в келенской надписи: dawicīl istaminlav qiraal (13, стк. 7) – ...cīl isu/tx... (Келены). Если принять чтение t в келенской надписи (другое возможное чтение – u), совпадение будет полным. Что касается следующей буквы, от нее сохранилась вертикальная черта, которая может принадлежать букве a. Основываясь на этой параллели, можно восстановить здесь формулу dawī[cīl] ista[minlav qiraal. Ее значение по всей видимости – «воздвиг в семейном владении»¹⁵.

Восстановление данной формулы – главное указание на содержание текста этой сильно поврежденной надписи. Остальные глагольные формы имеют больше одной параллели в сохранившихся текстах, причем смысл привлекаемых для сравнения форм далеко не всегда ясен, поэтому и выбираемые нами варианты – не более чем гипотезы. Глагольная форма во второй строке, завершающаяся на -nīl, находит три параллели в сохранившихся надписях (fēnanīl 15, стк. 2; sanīl 15, стк. 6; facunīl 43, стк. 5). Смысл второго слова непонятен, первое означает, вероятно, «осуществил, реализовал», однако общий смысл надписи 15, откуда происходят обе формы, остается неясным. Глагол facunīl, видимо, означает «построил, посвятил». Любой из этих трех глаголов может быть восстановлен в келенской надписи, и об общем смысле можно догадываться – это что-то вроде «построил» или «соорудил». Однако никакой дополнительной информации ни одно из трех возможных восстановлений не дает.

Для восстановления -śod в следующей строке нам приходится выбирать между taśod, ‘приказывать’ (14, стк. 2 taśo(d)-k; 22, стк. 15; 80, стк. 17 [t]aśod) и fawcvaśod,

¹⁴ Gérard 2005, 29.

¹⁵ LW. 137–138, 187, s.vv. istaminli-, qira-.

‘препятствовать, не исполнять’. Буква b, которая следует затем, делает возможным сравнение с одним текстом, где сохранилась та же последовательность букв и где засвидетельствована одна из упомянутых глагольных форм fawcvašod. Речь идет о завершающей части надписи 23: ...ak-š qis ēmv ētamv uv fawcvašod buk in mētrid buk bidēv qī-k int..., «и кто моему предписанию, которое должно быть написано, воспрепятствует, или mētrid (значение неясно), или повредит» [будет наказан]. Подобное восстановление – союз buk, ‘или’ после глагольной формы -šod – можно предложить и для келенского текста. Это восстановление подтверждается и остатком округлой буквы, который сохранился в начале строки: он может принадлежать букве a. Таким образом, можно реконструировать здесь fawcv]ašod b[uk и предполагать контекст, сходный с контекстом надписи 23.

Теперь следует вернуться к восстановлению предыдущей строки и в частности к интерпретации букв, сохранившихся после окончания глагольной формы -nīl. Как уже упоминалось, здесь читается частица ak, которая маркирует начало новой фразы. Следующее слово, следовательно, начинается на es°. Единственные засвидетельствованные в лидийских текстах формы с таким началом относятся к парадигме указательного местоимения es-, ‘этот/эта’¹⁶. Правда, до сих пор не было известно случаев, когда за частицей ak непосредственно следовало указательное местоимение es-. Однако есть по крайней мере три примера, когда оно появляется после ak-it, т.е. после той же частицы, усиленной энклитикой it¹⁷: ...ak-it esl sirmal qys fēnslībid..., «...(и/но) этому храму, кто (ему) причинит ущерб...» (23, стк. 2); ...ak-it esl taacal qis fēnslībid..., «(и/но) этому посвящению, кто (ему) причинит ущерб» (45, стк. 5); ...ak-it esl sa[dmēl..., «(и/но) этой гробнице» (70, стк. 2). Таким образом, начало фразы ak es... представляется вполне возможным в лидийском тексте, несмотря на то, что оно не засвидетельствовано сохранившимися надписями.

Следующая проблема – интерпретация последовательности букв esu/ēta[---]: ни одна из известных форм местоимения es- не содержит гласных u или ē после основы. Таким образом, здесь или приходится предполагать незасвидетельствованную форму (esu?, esut?) или, что гораздо более вероятно, сегментацию es u/ēta[---]. Соответственно, слово es должно толковаться как форма местоимения без окончания, которая используется в лидийском, если антецедентом является неодушевленное существительное в номинативе/аккузативе мн.ч.¹⁸: es anlola, «эта стела», es-k laqrisa «это laqrisa» (оба слова являются pluralia tantum). Последовательность знаков uta[---] была бы гапаксом: в лидийском вообще известно очень мало слов, начинающихся на u. Это заставляет предпочесть здесь чтение ēta[---], начало слова ētam-, ‘определение, предписание, указание’ и восстанавливать ēta[ma, ‘указания, предписания’, что хорошо соответствует и контексту, и форме предшествующего местоимения. Это слово встречается и в надписи 23, которая, как указывалось выше, дает еще одну параллель келенской надписи – на этот раз стк. 3, что дополнительно подтверждает предложенное восстановление.

Из изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Можно уверенно утверждать, что найденная в Келенах надпись написана лидийским письмом на лидийском языке.
2. Шрифт надписи содержит особенности (scriptio continua, формы ś и o), которые могут указывать на ее датировку началом «классического» или концом «архаи-

¹⁶ LW. 40, 102–103, s.v.; Gérard 2005, 94.

¹⁷ LW. 47.

¹⁸ Об этой форме см. подробно Gérard 2005, 84–86.

ческого» периода по терминологии Р. Гусмани. Альтернативная гипотеза, согласно которой архаизирующее письмо надписи представляет собой провинциальный вариант лидийского письма, выработанный местной писцовой школой, представляется значительно менее вероятной. Таким образом, датировка надписи концом VI или началом V в. до н.э. может считаться установленной довольно надежно.

3. Анализ текста и его сопоставление с другими лидийскими надписями позволяет сформулировать гипотезы о структуре и содержании надписи. По всей видимости, она имела двухчастную структуру, характерную для довольно обширного класса лидийских надписей; переход от одной части к другой маркируется переходом от глагольных форм в претерите к формам в настоящем/будущем времени. Несмотря на очень плохую сохранность текста можно предложить следующее его восстановление и перевод:

[---]
[---]xl [dawi]cil ista[minlav qiraaλ ---]
[---]nil ak es ēta[ma ---]
[--- fawcv]ašod b[uk ---]
[---]ixix[---]
[---]wxx[---],

«--- воздвиг в семейном владении --- создал/посвятил. А эти указания --- кто (им) воспрепятствует или ---».

Текст на первый взгляд кажется не очень информативным: некая лидийская семья в конце VI – начале V в. до н.э. владела в Келенах семейным владением, в котором один ее член воздвиг какое-то сооружение, вероятно погребальное. Однако если поместить этот документ в более широкий контекст, он дает довольно существенную **информацию исторического характера**.

Прежде всего необходимо отметить исключительную редкость лидийских надписей, обнаруженных за пределами Лидии. Собственно, и сам лидийский корпус очень невелик – общее число известных лидийских надписей ненамного превышает сотню, при этом подавляющее их большинство, около 80%, происходит из Сард, а около десятка найдено в других местах на лидийской территории. За пределами Лидии известен лишь десяток надписей, причем половина из них происходит из ионийских городов, бывших ее ближайшими соседями (Смирна, Колофон, Пергам, Эфес). Наша надпись относится к другой группе – немногочисленным документам, обнаруженным в районах, более или менее удаленных от Лидии. Сюда входят граффито из Силсила в Египте (49), печать из Пантикапея на Боспоре (73), мраморный фрагмент из Афродисиады в Кари (79), граффито на блюде из Даскилейона в Вифинии¹⁹ и свинцовый слиток из Милета, ионийского города на побережье Кари²⁰. Лишь одна надпись из этого короткого списка является лапидарной – мраморный фрагмент из Афродисиады. Следовательно, новая надпись из Келен – лишь вторая лидийская лапидарная надпись, найденная за пределами Лидии и примыкающих к ней прибрежных греческих городов. Уже один этот факт говорит о многом и свидетельствует о важности лидийского присутствия в Келенах.

Таким образом, в нашем распоряжении оказывается важный материал, подтверждающий сведения нарративных источников о политической зависимости района Келен от Лидии. Конечно, лидийские находки в Келенах уже были известны:

¹⁹ Bakır, Gusmani 1993, nt. 4.

²⁰ Adiego 1997.

Рис. 4. Лидийские монеты, найденные в Келенах (Cahill 2010, 429, Cat. 25)

здесь найдено несколько довольно редких электровых лидийских монет (рис. 4)²¹, а также обнаружена лидийская керамика²². Однако эти находки легко объяснить торговыми контактами с Лидией. Напротив, публикуемая надпись, в отличие от археологического материала, несомненно подтверждает физическое присутствие лидийцев.

Греческие историки начиная с Геродота (I. 6; 28; 72) сообщают, что в первой половине VI в. до н.э. Азия была разделена между Лидией и Мидией по реке Галис. Фригия вместе с Келенами и их территорией принадлежала лидийской зоне. Видимо, эта ситуация существовала и в предыдущую эпоху. В самом деле, Лидия стала крупной региональной державой уже в эпоху Гигеса. В начале 60-х годов VII в. до н.э. этот царь отправил посольство к ассирийскому царю Ашшурбанипалу, чтобы просить у него помощи против киммерийцев, нападавших на Лидию. Первая версия «анналов» Ашшурбанипала, составленная между 668 и 665 гг. до н.э., уточняет, что это посольство было первым контактом ассирийцев с лидийцами, и в ассирийской столице не удавалось найти переводчика, чтобы объясниться с послами²³. Однако уже скоро Гигес стал хорошо известен в Ассирии, и более поздние версии «анналов» свидетельствуют о том, что Лидия превратилась в постоянный и значимый фактор международной политики. До своей смерти в 644 г. до н.э.²⁴ Гигес активно участвовал в «большой политике» и среди прочего поддерживал Египет в его борьбе с ассирийцами. В то же время столица Фригии Гордион была разрушена киммерийцами ок. 675 г. до н.э.²⁵, и Фригийское царство, по всей вероятности, погибло тогда же. Напрашивается предположение, что прежние фригийские территории, включая Келены, перешли под лидийский контроль вскоре после этого опустошительного вторжения киммерийцев, т.е. еще в эпоху Гигеса. Вполне вероятно, что именно падение Фригийского царства позволило Лидии войти в прямой контакт с Ассирией: до тех пор они были разделены этим царством, что затрудняло их контакты. Первое посольство Гигеса в Ассирию в начале 660-х годов до н.э., следовательно, было отправлено вскоре после того, как он завладел

²¹ Cahill 2010, 429, Cat. 25; Iaslı, Üyümez 2008, 134–135.

²² Dupont, Lungu 2011, 251–252.

²³ Cogan, Tadmor 1977; Borger 1996, 181–183.

²⁴ О датировке смерти Гигеса см. Ivantchik 1993, 102–105, со ссылками.

²⁵ Об этой дате, которую следует предпочесть дате Евсевия (696/5 или 695/4 г. до н.э.), см. Ivantchik 1993, 68–74.

прежними фригийскими территориями. Таким образом, к началу эпохи Ахеменидов лидийцы владели Келенами больше столетия и, видимо, некоторые из них были здесь уже вполне укоренены.

Первый автор, упоминающий Келены, Геродот, сообщает о них, рассказывая историю, связанную с одним лидийцем. Согласно этому рассказу (Hdt. VII. 27–29), во время похода на Грецию в 480 г. до н.э. Ксеркс со всей армией сделал здесь остановку. В Келенах им оказал прием лидиец по имени Пифий, сын Атиса, который считался самым богатым человеком после самого персидского царя: он владел двумя тысячами талантов серебра и почти четырьмя миллионами Дариевых статеров, не считая земель и рабов. Пифий не только принял армию Ксеркса во время ее пребывания в Келенах, но и предложил царю все свое серебро и золото, чтобы профинансировать его поход. Тот не принял этого щедрого дара, но отблагодарил Пифия, даровав ему титул друга царя, а также семь тысяч статеров, которых ему не хватало до полных четырех миллионов. Эти милости, однако, не спасли его от гнева Ксеркса, когда он осмелился попросить, чтобы старший из его пяти сыновей был освобожден от участия в походе в Грецию и остался с отцом. Несчастный сын был казнен, его тело разрублено пополам, и вся армия прошла между двух половин его тела (Hdt. VII. 38–40).

Пифий известен и другим авторам – Плинию (NH. XXXIII. 137), Плутарху (Mor. 262: Mulier. virt. 27) и Полиену (VIII. 42, ср. также St. Byz. s.v. Πυθίοτης). Полиен не является в данном случае независимым источником: его информация, по-видимому, целиком заимствована у Плутарха, или оба автора пользовались общим источником. Что касается Плиния и Плутарха, они воспроизводят рассказ Геродота, но дополняют его неизвестной Геродоту информацией, почерпнутой в другом месте.

Эти рассказы имеют еще больше фольклорных признаков, чем повествование Геродота, и показывают, что Пифий был хорошо известен в устной традиции, где он превратился в персонажа легенды или народной сказки. Л. Ульрихс предположил, что Пифий был внуком последнего лидийского царя Креза²⁶, и эта гипотеза была принята в ряде более поздних публикаций²⁷. Главный аргумент в пользу этого предположения – одинаковое имя отца Пифия и одного из сыновей Креза; оба именовались Атисами. Это совпадение не представляется, однако, достаточным аргументом для отождествления двух персонажей, тем более что ни Геродот, ни другие авторы, упоминающие Пифия, не говорят об этом предполагаемом родстве. Конечно, Геродот не включал в свое сочинение все, что ему было известно, и часто опускал детали, не служившие развитию повествования. Однако предполагаемое происхождение Пифия от Креза, несомненно, добавило бы глубины и драматизма истории первого: тематическое сходство между историями этих двух персонажей уже отмечалось²⁸ независимо от гипотезы об их родстве. Поэтому если бы Геродот слышал о том, что Пифий был внуком Креза, было бы удивительно, что он не упомянул об этом факте. Независимые от Геродота источники, которые были известны Плутарху и Плинию, такого родства также не упоминали, насколько можно судить по их сообщениям. Кроме того, рассказ Геродота о смерти Атиса подразумевает, что он погиб вскоре после своей свадьбы и не имел детей (I. 34–35)²⁹. Мож-

²⁶ Ulrichs 1856, 26–27.

²⁷ Аргументы в пользу этой гипотезы сведены в работах Sekunda 1991, 119–122 и особенно Lewis 1998, здесь же см. дальнейшие ссылки.

²⁸ Scardino 2007, 174, nt. 295.

²⁹ Рассказывая эту историю, Геродот дважды упоминает о царском происхождении Адраста, невольного убийцы Атиса, который был внуком Мидаса, что явным образом отличает ее от рассказа о Пифии.

но было бы, конечно, предположить, что Пифий был его посмертным сыном, что прибавило бы драматизма этой истории, однако и этого обстоятельства Геродот не упоминает. Таким образом, Пифий был очень богатым и влиятельным лидийцем, но нет оснований считать его членом лидийского царского рода. Разумеется, такую возможность нельзя исключать, но аргументы в пользу этого предположения недостаточно убедительны.

Каков был характер связи Пифия с Келенами, также не вполне ясно. Многие исследователи считали, что он жил в Келенах. Так, Ж. Раде называл его «лидийский князь, династ Келен»³⁰, следуя мнению Г. Гельцера³¹. Однако такое заключение нельзя вывести из текста Геродота. Слово *ὑποατήμενος* не означает, что он жил в Келенах постоянно, и скорее указывает на временное пребывание. Более того, как свидетельствует Геродот (VII. 38), Пифий сопровождал Великого царя до Сард, и именно там был казнен его сын в момент выступления персидского войска из этого города. В других текстах, упоминающих Пифия, он никак не связан с Келенами. Плиний, в значительной мере зависевший от Геродота, но вероятно знавший и другие источники, называет его вифинцем. Причина этого – скорее всего существование в Вифинии города Пифополь³², который был известен Плинию (NH. V. 148): речь идет, по-видимому, об этимологическом сближении самого Плиния или его источника. Что касается Плутарха, который пользовался независимыми от Геродота свидетельствами, он знает того же персонажа под именем Πύθης. Πύθης описывается как правитель некой области или города, но этот город не Келены. Его название не упомянуто, но протекающая там река именуется Πυθολοίτης. Таким образом, можно заключить, что негеродотовская традиция о Пифии не сохранила сведений ни о его связях с Келенами, ни даже о том, что он был лидийцем. Это еще один аргумент против гипотезы о том, что он был внуком Креза: родство с лидийским царем не было частью соответствующей традиции.

Таким образом, Пифия нельзя безоговорочно считать жителем или правителем Келен, ведь его связи с Сардами были не менее существенными³³. Напротив, более чем вероятно, что в Келенах находилась одна из его резиденций. Во всяком случае, тот факт, что он встретил персидского царя в Келенах, означает, что у него были там владения и ресурсы, достаточные для того, чтобы достойно принять царя и его свиту, если не всю армию. Обычай встречать путешествующего монарха на границах своих владений и сопровождать его по своей территории был в древности широко распространен, и можно предполагать, что он существовал и в империи Ахеменидов³⁴. Таким образом, рассказ Геродота свидетельствует по меньшей мере о том, что в эпоху Ксеркса некий богатый и влиятельный лидиец имел крупные владения в Келенах. Это предполагает также присутствие в городе других лидийцев, составлявших его окружение. Открытие здесь лидийской надписи, которая,

³⁰ Radet 1893, 225.

³¹ Gelzer 1880, 521–522.

³² Dörner 1963, 618; INikaia II.3, 137–140.

³³ Не исключено, что у него имелись владения и в других районах Фригии и Лидии, однако было бы слишком смело причислять к этим владениям города, носившие название Пифополь в Кари и Мисии (или Вифинии) на основании их названия и одного указания Стефана Византийского, как это делает Н. Секунда (Sekunda 1991, 120). Вполне вероятно, что связь между этими городами и Пифием основана лишь на вторичном этимологическом сближении.

³⁴ О «кочевничестве» персидских царей и их двора см. Briant 1996, 199–204, с литературой.

видимо, относится к эпохе Дария, отца Ксеркса, таким образом, подтверждает достоверность сообщения Геродота. Разумеется, речь идет не о деталях этого рассказа, включающего очевидные фольклорные мотивы, а об общей ситуации: постоянном присутствии в городе лидийцев, принадлежавших к элите, владевших крупными состояниями и считавших его частью лидийской территории.

Литература

1. *Adiego I.J.* 1997: Fragment d'une inscription lydienne // *Archäologischer Anzeiger*, 156–157.
2. *Bakır T., Gusmani R.* 1993: Graffiti aus Daskyleion // *Kadmos*. 32, 135–144.
3. *Borger R.* 1996: Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals. Wiesbaden.
4. *Briant P.* 1996: Histoire de l'Empire perse de Cyrus à Alexandre. P.
5. *Cahill N.* (ed.) 2010: The Lydians and Their World. Istanbul.
6. *Cogan M., Tadmor H.* 1977: Gyges and Ashurbanipal. A Study of Literary Transmission // *Orientalia*. 46, 65–85.
7. *Dörner F.K.* 1963: Pythopolis // *RE*. 24, 618.
8. *Dupont P., Lungu V.* 2011: Kélainai 2008: les trouvailles céramiques. Présentation préliminaire // *Kelainai – Apameia Kibotos. Développement urbain dans le contexte anatolien* / L. Summerer, A. Ivantchik, A. von Kienlin (eds.). Bordeaux, 249–275.
9. *Gelzer H.* 1880: Das Zeitalter des Gyges. II // *RhM*. 35, 514–528.
10. *Gérard R.* 2005: Phonétique et morphologie de la langue lydienne. Louvain-la-Neuve.
11. *Gusmani R.* 1975a: Lydiaka // *Oriens Antiquus*. 14, 265–274.
12. *Gusmani R.* 1975b: Neue epichorische Schriftzeugnisse aus Sardis. Cambr.
13. *Ilash A., Üyümez M.* 2008: Afyonkarahisar Müzeleri ve Ören Yerleri. Istanbul.
14. *Ivantchik A.I.* 1993: Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg–Göttingen.
15. *Lewis S.* 1998: Who is Pythius the Lydian? // *Histos*. 2, 185–191.
16. *Melchert H.C.* 2001: Lydian Corpus online (<http://www.linguistics.ucla.edu/people/Melchert/webpage/lydiancorpus.pdf>), last modified 7/2/01.
17. *Melchert H.C.* 2004: Lydian // *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages* / R.D. Woodard (ed.). Cambr., 601–608.
18. *Radet G.* 1893: La Lydie et le monde grec aux temps des Mermnades. P.
19. *Scardino C.* 2007: Gestaltung und Funktion der Reden bei Herodot und Thukydides. B.
20. *Schürr D.* 2000: Zur lydischen Felsinschrift von Silsilis // *Incontri Linguistici*. 23, 107–122.
21. *Sekunda N.* 1991: Achaemenid Settlement in Caria, Lycia and Greater Phrygia // *Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire. Proceedings of the Groningen 1988 Achaemenid Workshop (Achaemenid History. 6)* / H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds.). Leiden, 82–143.
22. *Summerer L., Ivantchik A., Kienlin A. von* (eds.) 2011: *Kelainai – Apameia Kibotos. Développement urbain dans le contexte anatolien*. Bordeaux.
23. *Ulrichs L.* 1856: Über die älteste samische Künstlerschule // *RhM*. 10, 1–29.

A NEW LYDIAN INSCRIPTION FROM KELAINAI AND THE PROBLEM OF LYDIAN PRESENCE IN PHRYGIA IN THE ACHAEMENID PERIOD

Askold I. Ivantchik, Ignacio J. Adiego***

The authors publish a Lydian inscription discovered in 2009 in Dinar (Afyonkarahisar Province of Turkey), ancient Kelainai. Paleographic characteristics of the inscription (some letter forms and *scriptio continua*) make it possible to date it to the late “archaic” or early “classical” period (late 6th – early 5th century BC). Combinatory analysis and comparison of the text with the known Lydian inscriptions allow the authors to determine three verb forms (two in the preterite and one in the present/future) and a number of other elements typical for the Lydian texts. The text may be

tentatively reconstructed as follows: [---]xl [dawi]cil ista[minlav qiraaλ ---] // [---]nil ak es ēta[ma ---] // [--- fawcv]aśod b[uk ---] // [---]ixix[---] // [---]wxx[---], “--- erected within the family estate --- created/devoted. And these instructions --- whoever opposes them or ---”. The inscription is the second one to have been found outside Lydia or adjacent maritime Greek towns. The find confirms Herodotus’ account of rich and influential Lydians staying in Kelainai and possessing large estates there.

Keywords: Phrygia, Lydia, Lydian language, Lydian inscription, Kelainai (Celaenae), Herodotus.

* Institute of World History,
Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia
Ausonius. Institut de recherche sur
l’Antiquité et le Moyen-Age,
CNRS, Bordeaux, France

** University of Barcelona,
Spain

ignasi.adiego@gmail.com

ivantchik@u-bordeaux3.fr

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 27–37

С. Г. Карпюк

«ВЕЛИКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ» В СПАРТЕ И ОБЩЕГРЕЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ*

В статье рассматривается проблема датировки и интерпретации «великого землетрясения» в Спарте в середине 460-х годов до н.э. Автор отвергает «раннюю» датировку землетрясения, которая основана на неверной интерпретации сообщений Фукидида и Диодора. Очевидная связь между землетрясением 465/464 г. и спартанской *oliganthropia*, однако степень влияния природной катастрофы – предмет дискуссии. «Великое землетрясение» в Спарте дало толчок кампании помощи одних греческих городов-государств другому полису. Помощь, оказанная Спарте Афинами, Эгиной, Платеями и другими полисами, была примером общегреческой сословной солидарности граждан, направленной против восстания зависимого населения (илотов). Первый случай международной «гуманитарной» помощи после природной катастрофы – это помощь, оказанная Родосу для ликвидации последствий землетрясения в конце III в. до н.э.

Ключевые слова: землетрясение, Спарта, Афины, илоты, Фукидид, хронология, полис, солидарность.

Гуманитарная помощь и разнообразные проявления солидарности с жертвами природных катастроф – обычное явление в современном мире. Помощь жертвам землетрясений принимает, как правило, общенациональный масштаб, а в случае катастроф исключительной разрушительности – и мировой. По-

Карпюк Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».